

**25 января 2018 года исполняется 80 лет
со дня рождения
Владимира Семеновича Высоцкого**

Владимир Семёнович, Высоцкий родился 25 января 1938 г. в Москве в семье военного связиста.

В 1947–1949 гг. жил с отцом и его второй женой в городе Эберсвальде-Финов (Германия), затем вернулся в Москву.

Во время учёбы в школе Высоцкий занимался в драмкружке и хотел поступать в театральный институт, но по настоянию родителей сдал экзамены в Московский строительный институт имени В.В. Куйбышева, откуда вскоре ушёл. Летом 1956 г. поступил в Школу-студию имени В.И. Немировича-Данченко при МХАТе.

По окончании студии (1960 г.) работал в Московском драматическом театре имени А.С. Пушкина и в Московском театре миниатюр. Тогда же начал сниматься в кино.

В 1964 г. был принят в Московский театр драмы и комедии на Таганке, где проработал до конца жизни. Артист сыграл на сцене Таганки более 20 ролей, из которых наиболее известна роль Гамлета из одноимённой трагедии Шекспира.

В 1960–1961 гг. появились первые песни Высоцкого. За свою жизнь он создал их около тысячи. Официально не признанные, минуя радио, телевидение, печать, благодаря магнитофонным лентам, песни Высоцкого становились известны всем.

Много песен и баллад предназначалось для кинофильмов. В 1966 г. Высоцкий снялся в картине «Вертикаль» и написал для неё пять песен. Всего он сыграл в 30 художественных фильмах. Последние годы жизни Высоцкого были драматичны. При всенародной популярности он не мог добиться публикации своих стихов, выхода пластинок; тяжело переживал травлю, развязанную в прессе. От перенапряжения болел, в 1979 г. перенёс клиническую смерть.

Умер 25 июля 1980 г. в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище. Только после смерти был издан первый сборник его стихов «Нерв» (1981 г.).

В 1987 г. за роль капитана МУРа Глеба Жеглова в пятисерийной телевизионной ленте режиссёра С.С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя» Высоцкому была посмертно присуждена Государственная премия СССР.

Мне судьба - до последней черты

Мне судьба – до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты (а за ней – немота),
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что – не то это все, не тот и не та!

Что – лабазники врут про ошибки Христа,
Что – пока еще в грунт не вляжалась плита, –
Триста лет под татарами – жизнь еще та:
Маета трехсотлетняя и нищета.

Но под властью татар жил Иван Калита,
И уж был не один, кто один против ста.
Пот намерений добрых и бунтов тщета,
Пугачевщина, кровь и опять – нищета...

Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта, –
Повторю даже в образе злого шута, –
Но не стоит предмет, да и тема не та, –
Суета всех сует – все равно суета.

Только чашу испить – не успеть на бегу,
Даже если разлить – все равно не смогу;
Или выплеснуть в наглуую рожу врагу –
Не ломаюсь, не лгу – все равно не могу;
На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу!
Что же с чашею делать?! Разбить – не могу!

Потерплю – и достойного подстерегу:
Передам – и не надо держаться в кругу
И в крошечную тьму, и в неясную згу, –
Другу передоверивши чашу, сбегу!
Смог ли он ее выпить – узнать не смогу.

Я с сошедшими с круга пасусь на лугу,
Я о чаше невыпитой здесь ни гугу –
Никому не скажу, при себе сберегу, –
А сказать – и затопчут меня на лугу.

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу...

Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить – не хочу, –
На ослабленном нерве я не зазвучу –
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!

Лучше я загуляю, запью, заторчу,
Все, что за ночь кропаю, – в чаду растопчу,
Лучше голову песне своей откручу, –
Но не буду скользить словно пыль по лучу!

...Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта, –
Я уйду и скажу, что не все суета!

И снизу лед, и сверху

И снизу лед, и сверху. Маюсь между.
Пробить ли верх иль пробуравить низ?
Конечно, всплыть и не терять надежду,
А там – за дело, в ожиданьи виз.

Лед надо мною, надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.

Мне меньше полувека – сорок с лишним,
Я жив, двенадцать лет тобой и господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.

